

*Международный круглый стол
«Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»*

© 2007 г.

Д. Пласидо

ФОРМИРОВАНИЕ ИСПАНО-РИМСКОГО ОБЩЕСТВА

Для уяснения особенностей испано-римского общества и трансформаций, которые привели к его складыванию и консолидации, необходимо исходить из неоднородности местных социальных форм. Археологические исследования демонстрируют большое разнообразие в материальной культуре различных областей полуострова на протяжении I тыс. до н.э., даже после распространения элементов, характерных для эпохи железа. Появление на восточном и южном побережьях полуострова выходцев из Восточного Средиземноморья дало толчок процессу культурного взаимодействия между ними и местным населением, который способствовал формированию более сложной культурной географии, поскольку у вошедших в наиболее близкое соприкосновение с ними племен стали складываться формы организации общества, присущие периоду архаики, с возникновением гражданских общин и ростом товарообмена, хотя связи всегда развивались неравномерно. Так что еще в доримский период общество претерпело глубокие изменения, обусловленные разной интенсивностью таких контактов, и впоследствии это повлияло на различия в формах интеграции в римский мир между иберами и народами, считавшимися наследниками тартесской культуры. Начиная с этого времени население внутренних областей полуострова также начинает испытывать различные влияния, более или менее сильные в зависимости от конкретных условий. Образуется иерархия племен и народов, вступавших в контакт с пришлыми колонистами опосредованно, через тартессцев или иберов, – в Эстремадуре и Португалии, на плоскогорье Месеты, в долине Эбро или в Центральной горной системе. Наконец, у племен северного побережья и крайнего северо-запада полуострова признаков того, что они поддерживали контакты с колонистами, не наблюдается, хотя отдельные признаки поверхностного характера показывают, что и они не оставались полностью свободны от влияния господствовавшей тогда культуры.

Восприятие древних авторов, выраженное в реальных наблюдениях и рассуждениях общего характера, передает то же впечатление, что и данные археологии. В мнении Страбона о северных племенах и о средиземноморских и южных народах отражается мировосприятие, в котором греко-римский центр окружен варварами, – хотя он постоянно отмечает различие между тем, что было до и после римского вмешательства¹. С другой стороны, римское завоевание

¹ Plácido D. Estrabón III: el territorio hispano, la geografía griega y el imperialismo romano // Habis. 1988. 18–19. P. 243–256.

шло по следам предшествующих культурных влияний, поскольку римляне сначала вступили в контакт с племенами, в наибольшей степени вовлеченными во взаимодействие с иными культурами, а затем стали продвигаться внутрь полуострова, к территориям, гораздо сильнее оторванным от внешнего мира. Это сказалось даже на номенклатуре племен в греческом и латинском языках: для некоторых из них она оформилась в конце римского завоевания. Действительно, Полибий (Ш. 37. 10–11) сообщает, что только в эпоху завоевания часть Иберии, протянувшаяся вдоль наружного моря, получила общее название; «населена она варварскими многолюдными племенами». Доримские реалии, включая колонизацию, и процесс римского завоевания способствовали такой организации римско-испанского общества, в которой сохранялись противоречия между единством и разнообразием.

Так называемый тартессийский культурный слой представляет собой наиболее характерную форму доримской эволюции в I тыс. до н.э. Развитие контактов привело к значительным изменениям в социально-культурном плане, особенно в организации пространства. Примечателен процесс концентрации населения в *oppida* на территориях иберов², начиная с VIII в. до н.э., что совпадает по времени с развитием аристократии в тартессийском мире. Урбанизация – это прежде всего симптом концентрации власти аристократии, усиливавшейся благодаря контактам с пришлыми колонистами, поставлявшими ей товары престижного потребления в обмен на возможности доступа к ресурсам, в которых были заинтересованы средиземноморские державы.

Oppida были местом проживания знати и ее клиентов. Феномен концентрации *oppida* по времени растянулся до V в. до н.э. Таким образом собственность и клиентела сосредоточились в руках представителей знати³. Род (*gens*), представлявший собой фактор солидарности в общине, становится инструментом власти, как правило, принадлежавшей вождям (*principes*), которые демонстрируют свой престиж с помощью обладания привозными вещами. Могущество аристократии может доходить до подчинения в той или иной форме территорий⁴ и установления контроля над довольно значительными пространствами.

Кризис, по археологическим данным, имевший место в IV в. до н.э. и прослеживаемый на ряде иберийских памятников⁵, по крайней мере отчасти представляется результатом новых форм карфагенского вмешательства, вызвавших запустение либо разрушение иберийских поселений или же их перестройку даже в районах, очень далеко отстоящих от центров пунического влияния.

Доримские городские поселения в зоне иберов просуществовали до середины I в. до н.э. и даже до эпохи Августа⁶. Это предполагает наличие договорных отношений между местной знатью и Римом, характер которых, как правило, определялся перипетиями II Пунической войны. Таким образом, иногда *oppida* не разрушались вплоть до основания римской колонии, – например, *Tucci* на том же месте. Римские города на территории *conventus Astigitanus* (пров. Кордова), например, *Ironoba*, в значительной степени сохраняли структуру, присущую иберийским *oppida* с крайне ограниченной территорией (за исключением цеза-

² Ruiz A., Molinos M. Los iberos: análisis arqueológico de un proceso histórico. Barcelona, 1993. P. 258.

³ Ibid. P. 264.

⁴ Ibid. P. 267.

⁵ Ibid. P. 275.

⁶ Ibid. P. 278–279.

ревских колоний в Тусси и Усуби), вплоть до организации латинских муниципиев в эпоху Флавиев⁷.

Даже в Андалусии встречаются разные случаи, в зависимости от расположения и конкретно-исторических условий. Obulco кажется непосредственным плавным продолжением древнего иберийского поселения, тогда как раскопки в других местах (Serro de Maquiz, Menxibar) обнаруживают разрыв между иберийским поселением и римским городом, возможно, вследствие разрушения Piturgis в 206 и 195 годах и выведения колонии Тиберием Гракхом, о чем свидетельствует спорная надпись с посвящением от имени *populus Piturgitanus*. Должно быть, колонистами были иберы, романизовавшиеся в процессе интеграции данной области⁸. Таким же образом в Оретании Castulo, иберийский *oppidum*, продолжает существовать посреди завоеванной римлянами территории, а при Цезаре получает статус муниципия⁹. В конце II в. римские по форме вещи находятся среди приношений в святилище иберийской традиции (в Cerro de los Santos, Albacete). В тот же период храмы в Ermita de la Encarnación перестраиваются в италийском стиле и с применением терракоты, происходящей из Италии¹⁰.

Благодаря одной надписи (CIL. II. 5041) известен декрет Л. Эмилия Павла (189 г. до н.э.), которым он провозглашает свободными *servi Hastienses*, проживавших *in turri Lascutana*, и разрешает им продолжать владеть – *dum populus senatusque Romanus vellet* – находившимися прежде в их распоряжении *agrum oppidumque*. То, что ранее было, вероятно, формой податной зависимости между местными общинами, отныне, в результате действий проконсула, превратилось в прямое подчинение римским властям: впоследствии Lascuta стала *oppidum stiptendiarium*, согласно сообщению Плиния (III. 15), а Hasta – одной из редких колоний в нижнем течении Бетиса (Plin. NH. III. 11; Mela. III. 1. 4), в которой в эпоху гражданских войн засвидетельствовано присутствие *equites Romani* ([Caes.] De bell. Hisp. 26. 2)¹¹. То, что число римских граждан увеличивалось еще до предоставления гражданства, наряду с тем, что в провинции обосновывались переселявшиеся туда выходцы из Италии, представляется одним из последствий гражданских войн и соответствующих политических альянсов.

Однако в некоторых районах, например, в Каталонии, основание городов начинается со II в. до н.э. и сопровождается распространением вилл как римского способа землепользования, прежде всего вдоль *via Domitia* – артерии, связывавшей Испанию с Италией, что затрагивало сельские поселения традиционного иберийского характера, особенно на территории Baetulo, а затем Barcino и, возможно, Цуро¹². Экспедиция Катона привела к изменениям на территории ла-

⁷ Muñoz A.M.^a. Un ejemplo de continuidad del tipo de vivienda ibérica en el Municipio de Iponoba. El Cerro de Minguillar (Baena, Córdoba) // Los asentamientos ibéricos ante la romanización. Madrid, 1987. P. 63–68.

⁸ Arteaga O., Blech M. La romanización en las zonas de Porcuna y Mengibar (Jaén) // Ibid. P. 89–99.

⁹ González Román C. Colonización y municipalización en la Oretana // Homenaje a José M.ª Blázquez. IV. Hispania romana. I / J. Alvar (ed.). Madrid, 1999. P. 217.

¹⁰ Ramallo S. Teracotas arquitectónicas de Santuario de la Encarnación (Caravaca de la Cruz, Murcia) // AEspA. 1993. 66. P. 71–98.

¹¹ Plácido D. Formas de dependencia en Hispania // La Romanización en Occidente / J.M. Blázquez y J. Alvar (eds.). Madrid, 1996. P. 202–204.

¹² Miret M., Sanmartí J., Santacana J. La evolución y el cambio del modelo de poblamiento ibérico ante la romanización: un ejemplo // Los asentamientos ibéricos ante la romanización. Madrid, 1987. P. 79–88.

этанов: прежде основой системы расселения были *oppida*, а начиная с первой половины II в. до н.э. центром ее стал новый город *Iluo* (совр. Матаро), возможно, основанный выходцами из Италии, одновременно с проведением кадастра для распределения земельных участков, причем некоторые данные позволяют сделать вывод о присутствии там также и местного населения¹³. Это означало упорядочение землепользования, установление налогообложения и в то же время аккультурацию местного населения, элитам которого удавалось принимать участие в процессе приватизации земель и в товарном производстве¹⁴, а значит, и получать доступ к рынкам рабов. Таким образом наметились очертания исторического блока как главной действующей силы нового общества, где господствующий класс формировался из италиейцев и представителей местного населения.

Перемены на побережье Средиземного моря делали возможным установление с Месетой и севером полуострова таких контактов, которые еще до прихода римлян приводили в действие факторы иерархизации даже в культуре «кастрос».

В Кельтиберии вокруг больших *oppida* сложилась культура, обладавшая потенциалом распространения в области к северо-западу от р. Дуэро. До начала римского периода можно выделить несколько случаев синойкизма, вызвавших к жизни ряд центров (например, Ланга де Дуэро), в которых собралось население более мелких поселений округи. В течение всей эпохи завоевания отношения между римлянами и местными племенами носили всецело военный характер. После войны с Карфагеном динамика римского завоевания стала необратимой, поскольку война вызывала потребность в наборе солдат и трудностях с их интеграцией в общество в случае окончания боевых действий. В страхе перед воинами, изнеженными от долгого мира, Полибий (XXXII. 13. 6–9) усматривал причину военного похода римлян против далматов в 156 г. до н.э.¹⁵ Согласно высказыванию Катона, территория полуострова должна была поддерживать войну, которая могла прокормить себя сама. Новые провинции становились полем военных действий для преторов, а через эту должность проходили в своем *cursus honorum* представители римской аристократии. Для римлян продолжение войн, в том числе и в Испании, было средством поддержания внутреннего согласия между классами, из которых набирались войско и его командующие. Вследствие этого войска Катона, стараясь устроить *limes*, способный сдерживать внутренние племена и защитить союзников Рима на побережье и на юге, в то же время выступали против них же, напали на них и собирали подати, чтобы покрыть потребности солдат и войны.

Необходимость усиления контроля проявлялась в походах преторов в сторону Месеты и Карпетании, увенчавшихся взятием Толедо. Завоевание Кельтиберии сопровождалось заключением договоров, обязывавших племена платить трибут, проводить набор во вспомогательные войска и не возводить укрепления. Наиболее известен пример Сегеды, которая несмотря ни на что стремилась собрать население в городе и организовать территорию вокруг него, в чем римляне усмотрели действия, ставившие под угрозу их способность контролировать положение. Несомненно, *Segeda* представляла собой типичный *oppidum*, где

¹³ *García J., Martín A., Cela X.* Nuevas aportaciones sobre la romanización en el territorio de *Iluo* (*Hispania Tarraconensis*) // *Empúries*. 2000. 52. P. 35–41.

¹⁴ *Olesti O.* Integració i transformació de les comunitats ibèriques del Maresme durant el s. II–I a.C.: un model de romanizació per a la Catalunya litoral i prelitoral // *Empúries*. 2000. 52. P. 64–66.

¹⁵ *Richardson J.S.* *The Romans in Spain*. Oxf., 1996. P. 62.

происходили процессы, которые начались еще до прихода римских войск, а теперь под их влиянием приобретали разные формы – путем сплочения господствующих слоев во главе сопротивления римлянам либо путем подчинения им же, возглавляемого теми же самыми господствующими слоями. Политика Тиберия Гракха была направлена на предоставление римского гражданства местному населению, что проявилось в наличии нескольких семей, носящих помет *Sempronius*, и в основании колонии, названной *Gracchurtis*, в качестве начала процесса интеграции господствующих слоев этого района, возможно, сопровождавшегося проведением центуриации для распределения сельской территории, как это происходило при распределении между римскими колонистами. К тому же в некоторых городах в период гражданских войн уже имелись постройки в римском стиле. Но Кельтиберия по-прежнему была проблемным регионом, как стало ясно, когда разразилась Нумантинская война, в которую оказались втянуты и окрестные племена. В зависимости от конкретных обстоятельств поведение римских полководцев менялось, от самого жестокого обращения до самого снисходительного отношения, но эффективный контроль над Кельтиберией не был по-настоящему установлен вплоть до взятия Нуманции в 133 г. до н.э. Однако из-за экономического положения покоренных племен мирное сосуществование было невозможным, прежде всего потому, что обещания предоставления земель никогда не выполнялись удовлетворительным для кельтиберов образом. Против восставших неизменно применялись крутые меры: в 94 г. до н.э. консул Дидий захватил Коленду, и все ее жители были проданы в рабство. В эпоху завоевания территория полуострова все еще оставалась, по крайней мере в самые драматические моменты, источником пополнения рабской рабочей силы. После таких событий римляне расставляли гарнизоны и разбивали военные лагеря. В отношении же населения, сохранявшего верность Риму, практиковалось основание городов, которые заселялись местными жителями, проживавшими прежде на этом месте, как в случае Валерии, возможно, реорганизованной Валерием Флакком после столкновений 93–91 гг. до н.э. Города, основанные при участии местного населения, как *Gracchurtis* и *Valeria*, в эпоху Августа стали латинскими муниципиями¹⁶. Таким образом римляне обустроивали население и использовали его в войске ради продолжения завоевания на северо-запад, что способствовало в дальней перспективе созданию групп ветеранов, интегрировавшихся в общины, составлявшие империю. В 87 г. до н.э. проконсул Валерий Флакк применил римский закон при рассмотрении конфликта между кельтиберскими племенами, хотя те и не обладали гражданством, и это демонстрирует один из механизмов контроля за населением еще до того, как распространился латинский язык.

Отношения между местными общинами и римскими полководцами всегда были сложными вследствие перемен, происходивших с первыми, и эволюции форм власти внутри олигархии центра формирующейся империи. Даже когда дело пришло к миру и признанию Вириата другом римского народа, договор был нарушен консулом в 140 г. до н.э. в результате разногласий между магистратами в римских политических кругах того времени¹⁷.

С другой стороны, в областях, где мир колоний не был представлен вовсе или присутствовал лишь как поверхностное явление, городская жизнь даже после прихода римлян была выражена очень слабо, и романизация приобретала особые черты. Существование *civitates* не везде означало наличие городских

¹⁶ *Salinas M. Conquista y romanización de Celtiberia. Salamanca, 1986. P. 23.*

¹⁷ *Richardson. Op. cit. P. 65.*

центров¹⁸. Необходимо исходить из характера доримских структур обществ северо-запада, где развились особые формы неравенства. Обычной формой расселения там были «castros»¹⁹, центры сложной и самодостаточной системы землепользования с определенной специализацией в некоторых сферах производства. Но нет и следа какой-либо иерархизации территории, которая выдавала бы существование политических единиц более высокого уровня. Здесь не было городов, организующих сельскую территорию и деревни. Группы людей жили изолированно в небольших поселениях, с какими-то связями между ними. Поселки обычно были укреплены, хотя речь шла не об оборонительных сооружениях, а скорее о постройках, возведение которых вызывалось потребностью идентификации одной группы по отношению к другим.

Есть области, отличающиеся определенной однородностью культуры, что могло находить выражение в названиях, дававшихся им римскими авторами. Но эти названия зачастую отвечали лишь интересам контроля за территорией и населением. В конце железного века там лишь оформлялась тенденция к иерархизации в больших «castros» на севере Португалии, на юге Галисии и на севере Месеты среди астуров²⁰. Но если и не было иерархизации, зато имелись проявления социального неравенства внутри групп, связанные с развитием сельского хозяйства. Родовые отношения трансформировались, становясь основой производства и эксплуатации ресурсов. Но до прихода римлян ничто не дает оснований говорить о существовании класса, который можно было бы характеризовать как аристократию. Жизнь коллектива руководила скорее община²¹. Даже для металлургии или ювелирного производства не нужно было выходить за рамки способов производства, присущих общине «castro». Серьезные перемены в обществах северо-запада полуострова начались лишь после первых столкновений с римскими войсками, а углубились они, когда римляне активизировали добычу золота.

Южнее, в центре западной половины полуострова, начиная с VIII в. до н.э., с наступлением эпохи железа можно заметить процесс концентрации населения в укрепленных «castros», связанный с существованием господствующих социальных групп, которые контролируют сельскохозяйственное производство и сооружают укрепления не только для защиты, но и для обозначения территории как коллективной единицы. Контакты с югом вызывали также и проникновение сюда признаков ориентализирующего стиля как символа доступа к специфическим формам потребления со стороны представителей складывающихся новых господствующих классов²². Социальные противоречия уже в III в. до н.э. привели к возникновению военных структур, наличие которых предопределило отношение к карфагенским и римским войскам и активное участие в боевых действиях в качестве наемников или в сопротивлении римлянам. Самое значительное свидетельство способа интеграции в римский мир представляет *deditio* из Алькантары конца II в. до н.э.²³ В этом тексте претор повелевает повержен-

¹⁸ *Sastre I.* Las formaciones sociales rurales de la Asturia romana. Madrid, 2001. P. 22.

¹⁹ *Ibid.* P. 40.

²⁰ *Ibid.* P. 46.

²¹ *Ibid.* P. 70.

²² *Martín Bravo A.M^a.* Los orígenes de Lusitania. El I milenio a.C. en la Alta Extremadura. Madrid, 1999. P. 273.

²³ *López Melero R., Sánchez Abal J.L., García Jiménez S.* El bronce de Alcantara. Una *deditio* del 104 a.C. // *Gerión.* 1984. 2. P. 265–283.

ному лузитанскому *populus* отдать поля и постройки и возвращает их ему с тем, чтобы он владел ими, пока это будет угодно римскому народу и сенату.

Римский контроль осуществлялся также с помощью основания *castra* для нужд войны (*Castra Servilia*, *Metellinum* и *Castra Caecilia*), но более глубоким освоение территории стало со времени основания *Colonia Norbensis Caesarina* как первого из более значительных центров социально-экономического воздействия. В таких местах, как *Saragga*, *Saurium* и *Augustobriga* население собирали в центре больших территорий с развитым сельским хозяйством. Возможно, применялась такая же система, как и в Саламанке, где, как сообщает Фронтин (*De agrorum qualitate*, 1), земля отводилась городской общине как *ager mensura comprehensus*²⁴.

Римское завоевание шло параллельно с изменениями в обществе Римской республики. Аграрный кризис и грандиозная экспансия сочетались с обогащением значительных сегментов общества. Экспансия предоставляла доступ к рынкам рабов. Варварское население функционировало, таким образом, как источник рабов – через посредство местных вождей. Исторический блок, сложившийся между италиками создавал условия для формирования клиентел в целях привлечения местных жителей²⁵. Тем самым власть варварских вождей укреплялась, а состав блока усложнялся, включая в себя все новые господствующие провинциальные группы. Серторий в Испании стремился продолжать процесс интеграции, что было целью политиков-популярлов. «Знать он привлек на свою сторону обходительностью, а народ – снижением податей; особое расположение он завоевал, отменив постои», – говорит Плутарх (*Sert. VI. 7–8*)²⁶. Он и сам был воплощением данного процесса – как *homo novus* из италиков, стремившихся к контролю не только над Римом, но и над складывающимися мировыми рынками и ориентированными на латинизацию местного населения. Концепция империализма, следующая из образа действий Сертория, могла в большей степени способствовать процессу интеграции, нежели завоевание и полное покорение. Можно сделать вывод, что в начале I в. до н.э. поведение Рима начало изменяться, по крайней мере среди *homines novi*, которые отныне играли определенную роль в римской политике и территориальной экспансии²⁷. Это вело к формированию общества с большим участием населения полуострова в сочетании с возможностью играть главную роль для усилившихся в результате Союзнической войны классов Италии. Плутарх (*Sert. XIV*) подчеркивает, как успехи в войне и программа образования способствовали лояльности племен, которая оказалась нарушена только в результате предательства и заговора. Войско, верное Серторию, именовалось «римлянами» (*Ibid. XII. 1–2*). Приток в его войско клиентов из Пизена и кельтиберов служит отражением того же самого процесса формирования римско-испанского общества на фоне италийской эмиграции и интеграции местного населения.

После завоевания и войн за контроль над племенами именно кельтиберам и лузитанам предстояло стать основными союзниками, формировавшими воору-

²⁴ Orejas A., *Sastre I.* Fiscalité et organisation du territoire dans le Nord-ouest de la Péninsule Ibérique: *civitates*, tribut et *ager mensura comprehensus* // DHA. 1999. 25. 1. P. 159–164.

²⁵ Plácido D. La latinización de los indígenas en la integración en una nueva sociedad: los fundamentos provinciales del principado // Italia e Hispania en la crisis de la república romana / J. Mangas (ed.). Madrid, 1998. P. 378–380.

²⁶ Перевод С.П. Маркиша.

²⁷ Plácido D. Sertorio // SHNA. 1989. 7. P. 97–104.

женные силы, нацеленные на покорение остальной части Пиренейского полуострова. Но речь идет не только о действиях одного Сертория. Подобной линии поведения придерживались и его соперники, когда Помпей основывал *Pompeia* как город с не римским населением, а *Metell* – *Saecilia Metellinum*²⁸. Цезарь продолжил политику облегчения податного бремени для общин, разоренных войной, но не останавливался и перед тем, чтобы причинять им ущерб, если это требовалось для покрытия расходов. Интеграция была не только следствием более мягкой политики, но и результатом противоречий между внутривнутриполитическими силами в Риме и контактов этих сил с местным населением Испании. Романизация не была линейным процессом. Конечно, осложняющим фактором стала и гражданская война, вынуждавшая принимать ту или иную сторону, что вело к диверсификации клиентел вплоть до того момента, когда во главе всех клиентел встал Август, а господствующий (и в то же время подчиненный) класс Испании приобрел относительную однородность и единство. Однако измены и предательства политических союзников во время гражданской войны показывают, насколько занимаемые позиции зависели от сиюминутных обстоятельств, когда вопрос заключался лишь в том, чтобы успеть занять правильную позицию по отношению к победителям.

Но и среди племен северо-запада война стала фоном изменений, темп и ритм которых в значительной степени зависели от отношения к римским политическим группировкам. С другой стороны, на северо-востоке, у индигетов, окончание серторианской войны вызвало реорганизацию территории, и *ex nihilo* был основан город *Gerunda* как центр района, который прежде занимали *oppida* местных племен²⁹.

Римское завоевание и налогообложение вызвали глубокие изменения в обществах северо-запада, создавая предпосылки для иерархизации и структурирования социальных классов. Сельские общины превращались в зависимое крестьянство³⁰. В то же время распространялась практика изготовления надписей – это не вытекало из местных обычаев, но выявляло изменения, происходившие в среде местного населения, которое вовлекалось в эти процессы. Так, *civitas Lougeiunum* вступила в отношения клиентелы с Г. Азинием Галлом в I г. н.э. в связи с учреждением *conventus arae Augustae*³¹. Романизация была косвенным результатом действий, диктовавшихся римскими интересами, – от освоения периферии до разработки рудников³².

При формировании нового общества образовались глубокие различия между северо-западом полуострова и районами средиземноморского побережья. Не везде романизация означала распространение городской цивилизации. *Civitates* были лишь сельскими центрами, вокруг которых группировались общины для того, чтобы более органично выстраивать отношения с империей, взимание податей и эксплуатацию рабочей силы. Она была организована на основе свободного статуса населения, находившегося на положении *peregrini dediticii*, а не рабов, в соответствии с системой, господствовавшей в период формирования им-

²⁸ *Richardson*. Op. cit. P. 102.

²⁹ *Burch J. et al.* La fundació de Gerunda. Dades noves sobre un procés complex de reorganització d'un territori // *Empúries*. 2000. 52. P. 11–28.

³⁰ *Sastre*. Las formaciones... P. 69.

³¹ *Pereira G.* Epigrafía «política» y primeras culturas epigráficas en el noroeste de la Península Ibérica // *Roma y el nacimiento de la cultura epigráfica en Occidente* / F. Beltrán (ed.). Zaragoza, 1995. P. 294.

³² *Sastre*. Las formaciones... P. 95.

перии. Таким образом, на этнические различия, присущие Пиренейскому полуострову в доримскую эпоху, накладывался новый фактор усложнения общества. Однако этот процесс содействовал консолидации местной знати как элемента контроля над зависимым населением.

Римское проникновение способствовало развитию знати, которая приняла на себя важную роль в прямых отношениях между эксплуатируемыми (будь то люди или территории) и римской администрацией. Красноречивым свидетельством римского вмешательства служит эдикт из Бьерсо 15 г. до н.э., которым Август упорядочил отношения между общинами в зависимости от проявленных теми лояльности или сепаратизма³³. Документ свидетельствует о более общем процессе объединения *castella*, которое производилось, чтобы облегчить введение имперского режима налогообложения. Но на северо-западе только центры *conventus* в рамках организации территории при Августе могут рассматриваться как городские общины, созданные по римской модели³⁴. Упоминание *provincia Transduriana*, впоследствии исчезнувшей, свидетельствует о реорганизации территории, завершившейся только в 13 г. до н.э. делением полуострова на три провинции.

Завоевание и освоение территории Испании было связано также и с событиями римской истории в период кризиса Республики и гражданских войн. Начало вторжения на Пиренейский полуостров относится ко времени консолидации олигархии после завоевания Италии и начала заморских походов. В конечном счете, динамика гражданских войн приводила к необходимости внешней экспансии соперничающих сил ради сплочения войск, все более зависящих от военной добычи и земельных раздач в результате завоеваний. Установление рабства как господствующей системы изменяло формы эксплуатации земли и вело к дальнейшим изменениям. Именно война была ареной обращения в рабство побежденных, а земли и оставшееся население притягивали людей, вынужденных покидать Италию из-за концентрации в руках богачей земель, оставленных солдатами, отправлявшимися в завоевательные походы. Много земли раздавалось солдатам при основании колоний. Вероятно, это имело место в 152 г. до н.э. при основании Клавдием Марцеллом Кордубы с включением *conventus civium Romanorum* и в 139 г. до н.э. при основании Валентии Брутом, который дал *agros et oppidum* воинам Вириата и, возможно, также римским и итальянским солдатам³⁵. Значительная часть испано-римского общества сформировалась в результате процесса распределения земли между ветеранами завоевательных войн, игравшими ключевую роль в латинизации местного населения.

Наиболее известен пример *Emerita Augusta*. Основание этой колонии оказало сильное воздействие на окружающую территорию и способствовало распространению римского образа жизни в юго-западной части полуострова, при участии также и местного населения. Разумеется, нужно учитывать, что земельные наделы распределялись не поровну, а в соответствии с категориями ветеранов.

³³ Orejas A., Sastre I., Sánchez-Palencia J., Plácido D. El edicto de Augusto de Bierzo y la primera organización romana del noroeste peninsular // El edicto del Bierzo. Augusto y el noroeste de Hispania / J. Sánchez-Palencia y J. Mangas (coord.). Ponferrada, 2000. P. 63–112; Sánchez-Palencia J., Sastre I., Orejas A., Plácido D., Fernández-Posse M^a. D. La primera ocupación romana de Asturias: el edicto del Bierzo y su contexto arqueológico // El bronce de Bembibre. Un edicto del emperador Augusto del año 15 a.C. / L. Grau y J.L. Hoyos (ed.). Valladolid, 2001. P. 97–110.

³⁴ Sastre. Las formaciones... P. 140.

³⁵ Richardson. Op. cit. P. 78.

Это входило в обязанности *deductor*, который должен был к тому же установить градацию *cives, incolae, contributi* и составить список декурионов³⁶. С другой стороны, соперничающие римские полководцы укрепляли свою власть с помощью завоеваний, что повышало роль солдат в военных действиях и в освоении территорий, становившихся объектом непосредственной сельскохозяйственной эксплуатации римлян и италиков, участвовавших в конфликте. Латинизация Испании была делом прежде всего тех групп населения, которые образовались в результате изменений, произошедших в Италии в ходе Союзнической войны и покорения италийских племен. Основная действующая сила трансформации иберийского общества сложилась в результате разложения архаических отношений зависимости. Испано-римское общество организовалось отчасти на основе прежних зависимых слоев, объединившихся в империалистический исторический блок с римлянами из городского плебса и в социально-экономический исторический блок с господствующими слоями местных племен. В колониях, основанных на Балеарских островах около 120 г. до н.э., поселенцами стали римляне, прибывшие из Испании после похода Метелла Балеарского. В то же время, по надписи из Асколи известно, что в 89 г. до н.э. консул Гн. Помпей Страбон предоставил гражданство испанским всадникам, храбро сражавшимся вместе с ним в ходе Союзнической войны. Имена у них римские, но имена отцов – местные, происхождением все из Илерды.

Кризис Республики проявлялся в двух исторически взаимосвязанных аспектах – это были проблемы, вызванные концентрацией земельной собственности, и углубление соперничества между представителями олигархии.

Завоеванные земли становились *ager publicus* и, следовательно, подлежали обложению *vectigal*, коль скоро речь шла о римских общинах. Но не весь *ager provincialis* обращался в *ager publicus*, подлежавший *divisio et adsignatio* между ветеранами. Земли могли быть возвращены (*ager redditus*) покоренным общинам, которые тем самым превращались из *dediticii* в *peregrini*, а земля – в *ager stipendiarius*. Это вело к созданию pereгринских форм собственности на территориях, целиком уступленных общине pereгринов³⁷. Флор (I. 33. 7) утверждает, что именно Сципион Африканский, не довольствуясь изгнанием карфагенян, обратил Испанию в *stipendiariam nobis provinciam*. Местные общины обладали правом *possessio* и могли действовать самостоятельно под имперским контролем и при условии внесения податей. Действительно, первые монетные чеканки были произведены для уплаты *stipendium*. Расширение завоевания сопровождалось распространением на покоренные племена обязанности платить *stipendium*, а задачей римских полководцев всякий раз было взыскание податей – как знак римского господства и предпосылка воспроизводства и продолжения захватнических действий. Провинциальная земля определялась как отличная по статусу от земель в Италии. Но все же существование форм собственности отличных от *dominium ex iure Quiritium* признавалось, и это создавало условия для развития испанских господствующих классов, которые таким образом становились посредниками между местными общинами и римским государством. Обычно там, где применялась такая система, процесс формирования гражданских общин был

³⁶ *Rodríguez Neila J.F.* Sobre la «fase constituyente» de las entidades municipales romanas (con particular referencia a la Bética) // Homenaje a Jose M^a. Blázquez. V. Hispania romana. II / J. Alvar (ed.). Madrid, 1998. P. 312–316.

³⁷ *Orejas A.* El territorio de las *civitates peregrinas* en los tratados de agrimensura. Las *civitates* del noroeste hispano // *Habis*. 2002. 33. P. 403–404.

намного более медленным, чем в других областях империи. Точно так же и господствующие формы эксплуатации оставались далеки от распространенной в Римской империи системы рабовладения. Очевидно, с появлением римлян распространялись отношения зависимости, исторически связанные с клиентами. Политика Августа в качестве метода подчинения демонстрирует не обращение побежденных в рабство, а организацию общин, связанных узами верности и дружбы, *fides et amicitia*. Разработка рудников на северо-западе стала ареной применения новых систем зависимости, которые приобрели формы, сравнимые с архаическими дорабовладельческими отношениями, но, когда их приспособила римская власть, эволюционировали в направлении новых форм эксплуатации, встроенных в систему клиентских связей, образующих иерархическую пирамиду империи³⁸.

Влияние колоний было очень важным фактором, предопределившим характер эволюции испано-римского общества. Действительно, в областях Пиренейского полуострова, где существовали города, возникшие в результате финикийской или греческой колонизации, или где в период завоевания основывали колонии римляне, городская жизнь развивалась более быстро, а сельская территория эксплуатировалась путем распределения наделов между римскими ветеранами или с помощью интеграции сохранявшего верность завоевателям местного населения, особенно в период гражданских войн, когда местные общины включались в договорные отношения и получали привилегированный статус – *foederatae et liberae, immunes*. Колониями, населенными солдатами и представителями римского плебса, в эпоху Цезаря наверняка были по крайней мере *Tarraco, Carthago Nova, Hasta, Hispalis, Urso, Uscubi*, все расположенные на побережье Средиземного моря либо в долине Гвадалквивира. Основание колонии знаменовало начало процесса сознательного следования образцу устройства гражданской общины Рима, как явствует из текста *lex Ursonensis*. Но этот же текст свидетельствует о существовании иерархии, поскольку население делится на *coloni* и *incolae contributi*: это значит, что романизация подразумевает одновременно и ассимиляцию, и дискриминацию. В этом регионе урбанизация и распределение земель по римской модели получили наибольшее распространение.

На берегу Средиземного моря, особенно в северных районах, традиционно, со времени выведения с фокейских или массалиотских колоний, присутствовали греки. Конечно, самый известный пример – это греческая колония Эмпорий, которую Сципион использовал в качестве базы вторжения в Испанию во время Пунической войны. Она оказала значительное влияние на культуру близлежащей территории и племени индигетов: раскопки таких поселений, как *Ullastret*, дают обильный греческий материал, происходящий из Эмпория. Древняя колония превратилась в постоянную военную базу, так же как и Тарракона после высадки римлян и вплоть до эпохи Империи, не получив никакого особого юридического статуса³⁹. С конца II в. до н.э. и Эмпорий, и Тарракона стали приобретать внешний вид римского города, с форумом и регулярной прямоугольной планировкой. В других местах, которые такие авторы, как Страбон, называют греческими, где часто встречается греческий археологический материал, обосновать существование городского поселения, определяемого как колония, более трудно, однако поведение некоторых центров перед лицом римского при-

³⁸ Orejas A., Plácido D., Sánchez-Palencia F.-J., Fernández-Posse M^a.D. Minería y metalurgia de la Protohistoria a la España romana // SHHA. 1999. 17. P. 281–284.

³⁹ Richardson. Op. cit. P. 81.

сутствия можно сравнить с позицией Массалии – с тенденцией самоидентификации по отношению к местным племенам и карфагенянам.

Самый известный пример – Сагунт, который, согласно традиции, был основан греками. Археология этого не подтверждает, но город, несомненно, находился в зоне влияния Массалии. Греческие и латинские авторы упоминают признаки, присущие сложившейся гражданской организации. Осложнения с карфагенянами, считающиеся причиной римского вмешательства, были вызваны контактами с турдетанами – местным племенем, которое отождествляется с Turta, упомянутой в момент экспедиции Катона в Ближнюю Испанию. Однако в связи с сагунтинцами Полибий (III. 30. 1–2) упоминает также и о внутренних конфликтах, возможно, свидетельствующих об определенной сложности социальной структуры. Близость к греко-римской цивилизации, реальную или вымышленную, римляне использовали ради обоснования заключенных ими союзов и своего вмешательства (так же как и в греческих колониях Галлии). После войны, в первой половине II в. до н.э., город был восстановлен и отстроен по римскому плану (Liv. XXVIII. 39), а во второй половине того же столетия был возведен храм в стиле Лация, ставший затем центром римского города⁴⁰. При Августе Сагунт и другие города, основанные как колонии, – Эмпорий, Гадес, Родес, – очень рано получили статус муниципия римских граждан⁴¹.

Взятие Carthago Nova в 210 г. до н.э. принесло Сципиону огромную добычу, но также и положило начало интеграции жителей города – порта и центра эксплуатации серебряных рудников. Это привело к развитию в течение II в. до н.э. урбанизма в римском стиле. А давление на побежденных через заложников привело к тому, что вождь Эдекон стал инициатором последующей переориентации иберов, поддержавших планы Сципиона (Polyb. X. 34. 2) склонить их к дружбе и верности Риму. Это – часть процесса, который заставил всю Испанию сменить пунийское владычество на римское (Liv. XXVII. 17. 2–3). Тем же объяснялось и изменение позиции вождей илергетов Индибилиса и Мандония: прежде чем вступить в битву при Бекуле, Индибилис обратился к Сципиону, как к царю (Polyb. X. 38. 3). Эдекон назван среди тех, кто преклонял перед ним колени (Ibid. 40. 3)⁴². Победа римлян привела вождей иберов к подчинению, но также и к сотрудничеству с победителем и выстраиванию некоторой иерархии, которая способствовала переустройству общества Пиренейского полуострова в связи с римским присутствием. Местные вожди становились орудиями римской державы, в то же время занимая вспомогательные властные позиции в меняющихся римских структурах. Поведение иберийских вождей также способствовало установлению новых форм личной власти, отвергавшей царский титул (как это сделал Сципион), которые укрепились в течение двух следующих столетий (Polyb. X. 40. 2–9; Liv. XXVII. 19. 3–6). Взаимодействие римских магистратов и подчиненного местного населения вело к формированию нового испано-римского общества как составной части общества империи.

Однако ситуация успокоилась не сразу. Напряженность, вызванная подчинением и взиманием податей, когда покоренные племена считались *civitates stipendiariae*, приводила к восстаниям и их подавлению (Liv. XXVIII. 25. 9–11). Восстание закончилось, когда Мандоний согласился уплатить подати, чтобы расчи-

⁴⁰ *Aranegui C.* Algunas construcciones preaugusteas de Sagunto // *Los asentamientos ibéricos ante la romanización.* Madrid, 1987. P. 162.

⁴¹ *Idem.* Sagunto. Oppidum, emporio y municipio romano. Barcelona, 2004. P. 27.

⁴² *Richardson.* Op. cit. P. 33–34.

таться с солдатами (Ibid. XXVIII. 34. 11), что лишний раз обнажило проблемы, связанные с взаимодействием между завоеванием и интеграцией местного населения. Римское войско по-прежнему было инструментом мирной интеграции, но в то же время нуждалось в оплате, которая ложилась бременем на племена, а те могли и отказать в этом несмотря на начавшийся процесс сближения. В такой обстановке еще в 196 г. до н.э. действовавшие в Испании магистраты Блассий и Стертиний могли устроить роскошную процессию благодаря военной добыче и воздвигнуть на форуме каждый по триумфальной арке. И даже еще позже, в 193 г. до н.э., претор Дигитий вынужден был справляться с восстанием тех же *civitates*, которые теоретически усмирил Катон (Liv. XXXV. 1. 1).

Уже в эпоху Республики были также и города, которые получали статус *municipium*, а их жители становились римскими или латинскими гражданами. Таким образом, к концу периода Республики на Пиренейском полуострове имела значительная область, где римские структуры могли развиваться без затруднений. В течение эпохи завоевания господствующие классы сумели усвоить формы жизни, которые не слишком отличались от образа жизни колоний. Знать играла роль посредника при введении новых систем эксплуатации и социальной организации. Действительно, в районах наиболее прочной финикийской колонизации римское вторжение привело к установлению клиентских связей с господствующими слоями, что способствовало внедрению рабовладельческой системы и развитию городских центров, которые могли приобретать формы, подобные классической гражданской общине⁴³. *Foedus Gaditanum* 206 г. до н.э. был первым случаем такого вмешательства, создававшего условия для романизации как способа преобразования финикийских общин в римскую гражданскую общину. Таким образом, установив патронат над Гадесом, Рим создавал предпосылки для освоения всей финикийской зоны полуострова в то же самое время, когда он одерживал победы над карфагенянами в Испании, Италии и даже Африке. Земли городов обращались в *ager publicus populi Romani*, подлежащий уплате *tributum* или *stipendium*; в них размещались префект и военный гарнизон. Кроме того, в том же 206 году после сражения у Илипы (Alcala del Rio, Севилья) Сципион основал Италику, поселив там солдат и инвалидов, происходивших, как правило, из Италии (App. Iber. 38. 153), и положив тем самым начало процессу, который дает основания рассматривать испано-римское общество как результат слияния потока переселенцев из Италии, не иссякавшего на протяжении долгого периода гражданских войн, и интегрировавшегося местного населения. Постройки, возводившиеся в Италике с конца II в. до н.э., формировали облик города как римской гражданской общины. Иммиграция возрастала в связи с усилением римского военного присутствия в лице не только солдат, но и торговцев и дельцов, которые обеспечивали эксплуатацию рудников Пиренейского полуострова, внедряя использование рабской рабочей силы (Diod. V. 36. 3–4). Так, в Carthago Nova известно немало таких предпринимателей, происходивших, главным образом, из центральной и южной Италии⁴⁴.

Стратегически выгодное расположение пунийского поселения Carteia в бухте Альхесираса, несомненно, стало причиной организации здесь в 171 г. до н.э. латинской колонии, заселенной детьми римских солдат и жителями прежнего фи-

⁴³ *López Castro J.L.* Hispania Poena. Los fenicios en la Hispania romana (206 a. C.–96 d.C.). Barcelona, 1995. P. 100.

⁴⁴ *Salinas M.* El impacto económico de la conquista romana (218–19 a.C.) // SHNA. 1999. 17. P. 142.

никийского города. Из-за римского гнета представители правящих олигархий были вынуждены для покрытия налоговых обязательств интенсифицировать производство, что приводило к распространению эксплуатации труда рабов, происходивших из местного населения. Таким образом местные олигархии интегрировались в господствующую систему. Сильнее всего это сказалось на производстве рыбных солений и добыче соли. В то же время местную керамику, использовавшуюся в рыбозасолочных мастерских, сменила привозная кампанская керамика из Италии⁴⁵. *Officinae*, занятые изготовлением солений, подверглись полной перестройке вследствие изменений в системе производства, внедрения рабской рабочей силы и специализации⁴⁶, что позволяло производить больше разнообразных продуктов. Тогда же среди финикийских городов, превращавшихся в центры рабовладельческой эксплуатации и товарного производства, распространилось денежное обращение. Экономическое развитие региона способствовало также и интенсификации сельскохозяйственного производства на новых виллах, выстроенных в римском стиле рядом с центрами производства солений и, как правило, связанных с мастерскими, изготовлявшими амфоры для солений или для экспорта продуктов сельского хозяйства, прежде всего, оливкового масла и вина. Таким образом, сельскохозяйственное производство начало ориентироваться на рынок, а это в свою очередь сказывалось на интенсификации производства и распространении рабства. Долина Бетиса переживает глубокую интенсификацию в формах эксплуатации, что изменяло социальную структуру. Очевидно, ремесленные мастерские принадлежали тем самым собственникам, которые контролировали сельскохозяйственные земли. В общем это означает, что римские амфоры заменили собой традиционные амфоры финикийского типа, поскольку контроль теперь находился в руках римских властей. Вот так олигархии включались в господствующую римскую экономику, характеризовавшуюся распространением денежного обращения и товарообмена. Именно поэтому финикийская чеканка увеличивается настолько, что ввозится серебряная монета, чеканившаяся в Италии. Однако начиная с периода гражданских войн и предоставления Цезарем муниципального статуса города начинают чеканить монеты с легендой на латинском языке и указаниями на новое правовое положение города как части империи⁴⁷. Олигархия обогащается по мере того, как усиливается ее зависимость от римских властей.

С римской точки зрения финикийские города могли к тому же играть важную роль как союзники в отношениях с еще не контролируемым в эпоху экспансии населением внутренних областей и запада Пиренейского полуострова, где существовала очень пестрая картина племен. Гадес стал союзным городом, который обеспечивал поддержку и даже поставлял вооруженные силы для римского завоевания полуострова. Цицерон приводит имена римских военачальников, получавших помощь гадитанцев в очень сложных военных кампаниях, которые упоминаются как свидетельства их верности Риму⁴⁸. Цицерон прямо подчеркивает участие гадитанского флота в операциях Кв. Цецилия Метелла против пиратов и в войне против Сертория. Поддержка, оказанная Риму, означала в то же время и возвышение правящей городом олигархии. Участие этой олигархии в войнах, несомненно, было отправным пунктом для получения

⁴⁵ *López Castro*. Op. cit. P. 120.

⁴⁶ *Ibid.* P. 160.

⁴⁷ *Ibid.* P. 178.

⁴⁸ *Ibid.* P. 157.

привилегированного статуса. Таким образом Бальбу удалось кардинально перестроить город Гадес и превратить portus Gaditanus в центр перераспределения продукции из Бетики, поступавшей по Гвадалквивиру. Накопление денег давало возможность местным олигархам продвигаться на самый высокий уровень римской социальной лестницы, приобретая возможность служить связующим звеном между своими согражданами и римской властью. В результате представители провинциального господствующего класса могли оказывать в своем городе благодеяния, которые характеризовали поведение римской аристократии, и тем самым усиливать свой потенциал контроля. Об их участии в гражданских войнах свидетельствует прежде всего пример семьи Бальбов⁴⁹. Однако тогда же, когда Помпей даровал гражданство Бальбам, Метелл предоставлял его Фабию из Сагунта, а это значит, что речь идет об одном из эпизодов более широкого процесса. Но все же территория полуострова считалась зоной военных действий⁵⁰.

При том, что в провинции существовала развернутая иерархия, наиболее могущественные ее слои участвовали в римской политической жизни (например, Бальбы), но самая многочисленная группа ограничивалась лишь принадлежностью к *ordo* как муниципальному социально-политическому институту, объединявшему представителей фамилий, уполномоченных участвовать в исполнении повинностей и магистратур, предполагавшем расходы, нести которые были в состоянии только богатые. Власть имущие при этом должны были тратиться на благотворительность. Такие траты укрепляли основы их власти и, будучи способом перераспределения богатства, обеспечивали внутреннюю сплоченность общества, что позволяло им оставаться у власти, не встречая сопротивления, и эксплуатировать ресурсы, безоговорочно находясь на ее вершине. Это действовало как мощный фактор воспроизводства системы. Эвергетизм выражался, прежде всего, в строительстве зданий, придававших городу вид, напоминающий Рим, форумов и театров, наглядно отражавших перемены, происходившие в процессе складывания испано-римского общества.

Посвящение храмов императорскому культу было особенно действенным способом продемонстрировать собственную власть и в то же время лояльность императору. А строительство зрелищных сооружений и амфитеатров обеспечивало величайшую популярность у городского плебса, что служило воспроизводству социальных отношений. Понемногу в строительной деятельности городские олигархии оттеснили императорскую власть⁵¹. Отправление императорского культа и возведение храмов было делом элит, особенно в городах, испытывавших более глубокий процесс романизации вследствие притока переселенцев из Италии или включения местного населения. *Barcino*, *Emerita*, *Ebora* обзавелись храмами императорского культа в правление Августа, что было связано с муниципализацией городов⁵². Но и у племен внутренних областей полу-

⁴⁹ *Plácido D.* La latinización de los indígenas en la integración en una nueva sociedad: los fundamentos provinciales del principado. P. 382.

⁵⁰ *Richardson.* Op. cit. P. 103.

⁵¹ *Andreu J.* Munificencia y munificentes. Riqueza y manifestaciones de riqueza de las élites en la provincia *Lusitania* // *Économie et territoire en Lusitanie romaine* / Éd. par J.-G. Gorges et G.G. Rodríguez. Madrid, 1999. P. 453–471.

⁵² *Étienne R.* Du nouveau sur les débuts du culte impérial municipal dans la péninsule ibérique // *Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity* / Ed. by A. Small. JRA. Suppl. 17. 1996. P. 153–163.

острова, где в ходе Пунических войн, римского завоевания и гражданских войн завязывались узы личной верности между вождями и общинами, без особых сложностей можно было, перенимая практику, сложившуюся в наиболее развитых городах, институционализировать связи с властью, носившие персональный характер, и возводить прежде всего в городских центрах храмы и постройки, посвященные императорской семье, по крайней мере, начиная со времени Тиберия. В период Юлиев–Клавдиев *domus Augusta* становится важным инструментом сплочения провинциальных обществ по всей империи. Участие в императорском культе в роли *flamines* и *flaminicae* было знаком принадлежности к местным олигархиям, которые исполняли магистратуры в колонии или муниципии и обладали римским гражданством, а некоторые их представители вступали на общеимперское поприще, поднимаясь до должностей сенаторской или всаднической карьеры. При этом каждая из городских общин отличалась своими особенностями, вероятно, связанными с доримскими традициями⁵³. Существование общепроvincialного культа, жрецы-*flamines* которого назначались при все большем участии *concilium provinciae*, подтверждается данными источников лишь со времени правления Флавиев, хотя есть предположения о его существовании уже при Тиберии. Действительно, многие из провинциальных фламинов, чьи имена известны, были приписаны к трибам *Galeria* или *Sergia*, а это значит, что либо они происходили из городов, имевших привилегированный статус еще до правления Флавиев, либо, хотя сами и жили в муниципиях, получивших муниципальное устройство при Флавиях, семьи их обладали римским гражданством еще до того. Нередко провинциальные *flamines* достигали всаднического ранга в административных структурах империи⁵⁴. Таким образом императорский культ, служивший средством выражения лояльности, для местных олигархий стал еще и способом продвижения наверх.

Но императорский культ был открыт также и для вольноотпущенников, которые в наиболее романизованных городах, где в результате экономических изменений, вызванных римским завоеванием, рабский труд был распространен сильнее, участвовали в его отправлении через коллегии *seviri Augustales*, формировавшиеся самыми богатыми из них, способными нести траты на эвергетизм в пользу городской общины. Учреждение коллегий севириов было признаком не только распространенности рабовладения в провинциальной жизни, но и социальной мобильности и растущего значения видов экономической деятельности, связанных с торговлей, поскольку именно они, как правило, были источником богатства вольноотпущенников, начинавших заниматься ими под контролем своих хозяев или патронов. В императорском культе, начиная с первого века Империи, отражались некоторые важные особенности испано-римского общества.

Наряду с процессом экономической интеграции происходила и латинизация как следствие римского владычества и притягательности римского образа жизни для представителей определенных слоев местного населения – тем более многочисленных, чем глубже были существовавшие среди них социальные различия. У народов средиземноморского побережья, где торговые связи с жителями колоний способствовали развитию форм господства, или в городах финикийского происхождения, где сложилась местная аристократия, потенциал ла-

⁵³ *Curchin L.A. Cult and Celt: Indigenous Participation in Emperor Worship in Central Spain // Ibid. P. 143–152.*

⁵⁴ *Castillo C. Les flamines provinciales de la Bética // REA. 1998. 100. P. 438–441.*

тинизации был более значительным, чем среди племен северо-запада, где внутреннее неравенство не дошло до уровня социальных структур, отражающих существование форм эксплуатации⁵⁵. Римское превосходство на поле боя сочеталось с культурной гегемонией, которая в тот момент усиливалась в связи с завоеванием восточного Средиземноморья и вследствие феномена *Graecia capta*. То есть Рим, как завоеватель, был способен представлять перед побежденными в качестве культурного образца. К тому же и римский господствующий класс, изменившийся и увеличившийся в результате завоевания Италии, внутренней борьбы и усиления империализма, постепенно стал включать в модель своего поведения установление разнообразных связей с властью имущими среди покоренных народов, которые сперва открывали доступ к источнику рабской рабочей силы, а затем облегчали контроль за населением посредством выстраивания клиентел, пронизывавших весь социальный спектр, – от политических связей с вождями или представителями растущей местной олигархии до формирования зависимой рабочей силы из числа свободных.

Новая система была результатом складывания исторического блока между римлянами разного происхождения и местными *principes*, которые могли принимать участие в осуществлении господства благодаря своему прежнему контролирующему положению, позволявшему им оказывать завоевателям полезные услуги и включаться в систему имперской власти. Если смотреть из Испании, гражданская война стала отправным пунктом становления нового порядка, который внес в историю Пиренейского полуострова элементы стабильности.

В эпоху Флавиев начали складываться новые формы социальных отношений – провинциалы становились римскими гражданами вследствие предоставления Веспасианом *ius Latii* всей Испании (по выражению Плиния), а не в рамках клиентелы аристократии. При этом центром сельскохозяйственного производства становился город. В то же время в областях северо-запада предоставление *ius Latii* означало возможность получения римского гражданства для господствующих групп местных общин. Реформы Веспасиана шли в том же направлении, что и внутренняя эволюция, которую вмешательство императорской власти ускоряло, создавая благоприятные условия⁵⁶. Предоставление *ius Latii* и создание Флавиевых муниципиев показывает, что в предшествующее время общины Пиренейского полуострова достигли уровня политического и социального развития, создававшего предпосылки для муниципальной автономии. В период от Веспасиана до Траяна во всадническое и сенаторское сословия попадало немало представителей местных олигархий из городских центров всех испанских провинций. Предварительное обогащение властью имущих также способствовало тому, что изменение правового статуса провинциальных общин сопровождалось монументальным строительством в городах, что можно назвать второй урбанизацией полуострова. Однако многие из небольших городов, получивших привилегированный статус и наполнившихся общественными зданиями и статуями в эпоху Флавиев, не выдержали испытания временем и вступили в период упадка уже при Траяне.

⁵⁵ *Sastre I.* Los procesos de complejidad social en el Noroeste peninsular: arqueología y fuentes literarias // *Trabajos de Prehistoria*. 2004. 61. P. 99–110.

⁵⁶ *Alföldy G.* Hispania bajo los Flavios y los Antoninos: consideraciones históricas sobre una época // *De les estructures indígenes a l'organització provincial romana de la Hispània Citerior*. Homenatge a Josep Estrada i Garriga / M. Mayer, J.M. Nolla, J. Prado (ed.). Itaca, 1998. P. 14.

Можно сказать, что в период правления Флавиев испано-римское общество достигло полноты своего развития, а отдельные меры, принимавшиеся в эпоху Антонинов, содействовали усложнению общей картины, связанному с процессами перемен в империи в целом. Общая панорама территории Пиренейского полуострова демонстрирует таким образом временные и пространственные различия, которыми характеризовалась история римской Испании. Достижение большей однородности в период правления Флавиев не мешало сохранению некоторых черт неполного выравнивания. Римская Hispania представляла собой единое общество, но это означает, что ему было присуще разнообразие, везде и всегда отличавшее общество империи*.

FORMATION OF THE HISPANIC-ROMAN SOCIETY

D. Plácido

Studying the forms of the Hispanic-Roman society one must take into consideration heterogeneity of the indigenous societies. Before the Roman period, these societies had undergone deep changes caused by contacts of varying intensity with the Eastern Mediterranean. Ethnic and cultural diversity characteristic of the Pyrenean Peninsula in the I mill. BC was further complicated by new factors during the Roman conquest and subsequent occupation. The Roman conquest worked in conformity with earlier cultural influences, but at the same time was connected with the evolution of power and society in the Roman Republic.

The author retraces the development of the Hispanic-Roman society underlining the role of immigration from Italy and integration of the indigenous population. He pays due attention to the essential difference between the North-West of the peninsula and the Mediterranean coast. Romanization did not necessarily imply urbanisation. *Civitates* could be just country centres co-ordinating communities in maintaining organic relations with the Empire, in tax collection and in exploiting manpower.

Romanization was not a linear process. On the whole it contributed to the consolidation of indigenous aristocracies regarded as an element of control over the population and territory. It was not until the end of the civil wars (which diversified provincial clienteles) and Augustus' establishing himself as the head patron of all clienteles that the new ruling class of Spain became comparatively homogeneous and consolidated. As a part of the imperial community, the Hispanic-Roman society reached the peak of its development under the Flavian dynasty.

* Перевод с французского Е.В. Ляпустиной.